

Ты вернешься обвешенно
 «История» моего детства
 и всемогущих учителей, друзей по пути,
 свинских ушей впереди и задних
 вострени.

В. Антон

ЛОЩИНА ГОЛУБОГО ТУМАНА

Окончание, начало в №38, 39, 43, 44

Протянув к матери дрожащие руки, Марк повторил: — Мама, я здесь... Я учусь ходить.

Лизаветка, вскочив, бросилась к сыну. Обхватив руками его острые плечи, притянула к себе, и принялась в иступлении целовать изможденное, вспотевшее лицо.

— Сынок мой! Ненаглядный мой! — приговаривала она, лаская сына. — А мне плохо стало. Бежала к тебе с радостью, а тебя нет. Уж подумалось, не другая ли кака беда приключилась. Да, слава Богу, все хорошо! Сыночек, а ведь она пришла. Пришла, сынок мой ненаглядный.

— Да девка-то та, дочь той женщины, которая исцелила тебя, а опосля сказывала, что дочь свою пошлет. Помнишь? Пришла, пришла она, милая!

— Куда пришла-то? — осторожно спросил Марк, не веря.

— Ну, объявилась... Бабка Дарья сейчас в пекарне сказывала, что видела ее, эту девку, будто наяву. А ее старик, Евсей чувств лишился на Петровом поле. Разыскивал свою кобылу, там и встретил ее. Там она, там — в лощине, у старой ели на Петровом поле. Туда тебе сынок, надо идти.

— Ой, мама, боязно.

— Перебори в себе страх, к утру иди. Она ждет тебя.

— Даже не знаю, мама, что и делать. Страх душит, — признался Марк.

— Ну, пошто ты такой несговорчивый — то? Рази так можно? — терпеливо внушала Лизаветка сыну. — Поднялся ведь на ноги. Это ли не чудо? Сходи, сынок, сходи.

— Ладно, мама, — согласился Марк. — Чтобы душа твоя успокоилась, я пойду

— будь что будет. Если уж не исцелюсь, то хоть на девку красивую посмотрю, — грустно пошутил он.

Лизаветка, горестно прижав ладок к щеке, плача проговорила: — Изболелся ты, измотался, сынок. Мне бы тебя приласкать и утешить надобно. А ты меня успокаиваешь. Вон, уж шутить пытаешься, кровиночка ты моя!

Тягостным был этот день для Лизаветки. Казалось, все по дому переделала, а время тянется и тянется. Но вот вроде сумерки сгустились над деревней. Темно стало в доме. Лишь лампадка тускло пиликает на божничке.

Была уже глубокая ночь. Лизаветка сидела на расшатанной лавке, прислонившись спиной к печке. Ее знобило. Старая, рваная шаленка плохо согревала ее плечи. Марк, обхватив голову руками, сидел за столом. Вот он поднялся, прошелся по комнате, подошел к окну. А там на небе вывели яркие звезды, огромная луна задумчиво и таинственно смотрела в окно. Все говорило о том, что утро будет ясное, без тумана.

— Мама, может не ходить мне на поле? Посмотри: звезды, луна. При таких приметах тумана не должно быть.

Лизаветка тяжело поднялась и тоже подошла к окну, нежно обняла сына.

— Нет, Маркуша. Нет, сыночек мой родной. Чую, сердцем матери чую: идти тебе надо.

Марк обернулся, поцеловал мать в щеку, и, тряхнув залихватски кудрявой головой, весело произнес:

— Ну, коли так, тогда я прям сейчас и пошел.

— Вот и правильно, сынок. Ступай, милый, ступай. Вот увидишь: все будет ладно.

Марк, преодолевая боль в спине, медленно плелся по бездорожью. Густая трава путалась в ногах, сдерживая движения. Но вот вдали неясным очертанием показалось поле. И вековая ель, одиноко стоящая в лощине. Чем ближе подходил к ней Марк, тем больше в его сердце угасала надежда. Окрест ничего не предвещало, что будет туман. А уж голубой, и тем паче!

Долго стоял Марк в лощине, прислушиваясь к предутренней тишине, потом задумчиво подошел к ели и ладонью стал ласково гладить ее колючие ветви.

— С детства тебя помню, красавица лесная. Сколь лет-то прошло, а ты все такая же стоишь, — сказал он. — А ты помнишь ли меня, милая? Рада ли встречи?

Таинственная тишина была ответом. Но недолго...

Марк, вдруг неожиданно почувствовал легкое дуновение ветерка. Он, взбодрив травы, коснулся и ели. Она качнулась и, как живая, встряхнула ветвями. И в этом движении дерева Марк почувствовал добрый знак. Он обрадовано вздохнул:

— Узнала, милая! Узнала. Вижу, что рада! И я рад, что через столько лет повстречался с тобой. Ну, хорошо, моя родная. Ты стой тут и радуйся жизни, а мне пора домой. Не нашел я в этой жизни чуда, не нашел, — горько выдохнул Марк, поклонился ели и, повернувшись, чтобы идти, обомлел: за его спиной клубился голубой туман, заполняя собой лощину. И в этом тумане стояла неземной красоты девушка с коромыслом на плече, на котором, чуть пощипываясь, висели резные ведерочки, наполненные до краев голубой водой, в которой отражались таинственно мерцающие звезды.

Марк замер, очарованный увиденным. Девушка тихо подошла к нему. Походка ее была легкой, невесомой. Она словно плыла по воздуху. Лукаво подмигнув Марку, она весело сказала:

— Что, пришел, Фома неверующий? Ну, пойдём...

Марк попытался заговорить, но онемевшие непослушные губы лишь прошептели:

— Куда?

Девушка озорно засмея-

лась, тряхнув длинной косой.

— Куда? Куда? А вот иди за мной в след, тогда и узнаешь.

И поплыла, не оглядываясь. Марк на онемевших ногах поковылял за ней. Девушка, доплыв до середины лощины, остановилась, осторожно поставила ведра на землю, положила рядом коромысло. Затем, повернувшись в сторону с трудом идущего Марка, стала поджидать его, загадочно улыбаясь. Когда, наконец, Марк доковылял до девушки, то почувствовал, что с ним что-то происходит. В него вливалась какая-то необъяснимая сила. Тело становилось послушным, разум — светлым. Благодарно глянув на девушку, он выдохнул:

— Кто ты? Что ты здесь делаешь?

— Да вот... — улыбнулась девушка, показывая рукой на ведра. — Росу собираю. Да тебя поджидая. Чай знаешь, что девки-то ваши, деревенские, чтобы красивыми да здоровыми быть, в такой вот росе купаются?

— Нет, не знаю. Да и не до девок мне теперь. Сама видишь... А звать-то тебя как, краса неземная?

— Да все называю меня по-разному. Кто Росой. Кто Росой-росиницей. А мамка моя меня Росинкой зовет. И ты Росинкой называй.

— А кто она, мамка твоя?

Ой, прости, мама...

— Да вы, люди, тоже ее по-разному зовете. Кто — Жизнь, кто — Судьба, а кто — Любовь Земная, — тихо ответила девушка и замолчала, глядя на Марка огромными глазами, в которых плескалась небесная синь.

— Росинка! Росинка! Имя-то какое дивное! — восхищенно прошептал Марк, боясь громким словом нарушить таинственную тишину, окружившую их. — А коса-то у тебя! Коса-то, какая длиннущая.

И Марк осторожно протянул руку, погладил девушку по волосам, но вдруг резко отдернул ее. Коса была влажной и холодной, как будто бы девушка только что вышла из реки.

— Росинка! Да ты же вся мокрая. Ты протынешь, — воскликнул Марк и стал спешно стаскивать с себя колушок, чтобы накинуть его на плечи девушки. Но та, озорно засмеявшись, легким движением руки остановила парня.

— Ты что, не понял, дурень? Ведь я Росинка... Роси-и-и-инка...

— Роси-и-и-инка... — повто-

Автор
 Алексей
 Бондаренко

рил за ней Марк. — Прости меня, коль ненароком обидел.

— Нет, не обидел, — сказала девушка, и подплыла к нему вплотную, стала гладить руками парня по плечам, по груди. Потом, коснувшись ладонью его щеки, нежно прошептала. — В заботе этой я всю добрую душу твою увидела. Ты мужем хорошим будешь.

— Да, я готов быть хорошим мужем. Да кто теперь за меня такого пойдет.

Раньше девчонки глаз с меня не сводили, а теперь стороной обходят — даже взгляда на меня не бросят. Никому душа моя не нужна, коль калекой стал.

— А это мы еще посмотрим, — с вызовом крикнула Росинка, тряхнув своей длинной косой. Все у тебя, Марк, будет: и любовь, и счастье! Моя мамка слезы твоей матери до сих пор забыть не может. Вот и меня с моими голубыми помощниками к тебе отправил. Видишь?

Марк, приглядевшись, только сейчас заметил, что туман был голубым оттого, что состоял из маленьких голубых светлячков, которые на своих крылышках несли по капельке росы и сбрасывали эти капельки в ведра. Он удивленно поднял глаза на девушку:

— Диво дивно, Росиночка! Вижу, а глазам не верю.

— Верь, верь... И тому, что сказала тебе, тоже верь, — улыбнулась она и таким взглядом посмотрела на парня, что в голову Марка ударил хмельной угар.

Ничего он не видел вокруг, кроме глаз ее синих, губ желанных, рук призывных. Закружил голову дурман нахлынувшей любви. И нет сил у парня сопротивляться ему! Протянул он руки, чтобы нежно обнять девушку, а она вдруг колыхнулась, словно от ветерка, и отлетела от него, озорно смеясь. Лукаво погрозив парню пальчиком, сказала:

— Нет, Марк, нет... Не здесь и не со мной ждет тебя твое счастье.

Но Марк, ослепленный любовью, бросился к девушке, пытаясь схватить ее

за косу, притянуть к себе, припасть к манящим, желанным губам. А та голубым маревом увертывалась от него, подзадоривая заразительным смехом.

Не осознавая, что он делает, что с ним происходит, Марк остановился. Грудь его то вздымалась, то опускалась, как кузнечные меха. Глаза были наполнены призывом, желанием и... слезами...

— Вот этого я и добивалась от тебя. Чтобы душа твоя ожила. Чтобы почувствовал ты силу любви и волю к жизни.

Быстро подплыв к своим ведеркам, она схватила одно и, крикнув: — Охолонься, Марк! Охолонься! — со смехом выплеснула его содержимое на парня.

Словно ледяной волной окатило парня. Сердце его сжалось. Только и смог выдохнуть: «Росиночка!» и без чувств упал на землю.

Девушка медленно опустилась перед лежащим навзничь Марком на колени. Ласково глядя его по щеке, произнесла:

— Верно, мама твоя говорила: слаб еще — изболелся весь. Ну, ничего: полежишь немножко, и пройдет. Это я в тебя жизненные силы влила. А сейчас еще и красоты добавлю.

Зачерпнув ладочкой росы из ведерка, она стала умывать лицо парня, приговаривая при этом: «Будь красивым! Будь счастливым!». Когда в ведерке осталось половина росы, она перевернула парня на живот и опять, как в первый раз, звонко засмеявшись, со всего маха вылила остатки росы на его спину. Потом подняла коромысло, взяла в руки свои ведра и, бросив в последний раз ласковый взгляд на парня, медленно растворилась. Вслед за ней растворился и голубой туман.

Спал Марк долго. Может, спал бы еще, да жаркое солнце разбудило. Встал он, а сам ничего ни понять, ни вспомнить не может. В теле — легкость и сила чувствуются, спина не болит. Пощупал рукой спину, а горба-то и нет...

Алексей БОНДАРЕНКО,
 г. Енисейск

